ВЕСТНИК

ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

№ 3

МАРТ 1952

Проверка

273 Н.

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Редакционная коллегия серии: Г. В. Ефимов (редактор серии), М. П. Алексеев, М. Н. Боголюбов, А. В. Венедиктов, С. А. Ильин, Н. И. Павлицкая, З. И. Плавскин, Н. Н. Терещенко, В. П. Тугаринов, А. В. Федоров, В. Н. Ярцева

Главная редакция журнала: А. Д. Александров (главный редактор), М. П. Алексеев, С. В. Валландер (зам. главного редактора), Н. П. Еругин, Г. В. Ефимов, И. А. Зайдлер (отв. секретарь редакции), И. И. Иванов-Омский (зам. главного редактора), С. С. Кузнецов (зам. главного редактора), З. И. Плавскин, С. Э. Фриш, В. П. Тугаринов, Н. В. Турбин.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. А. ЖДАНОВА
ЛЕНИНГРАД
1952

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Языкознание и литературоведение

К столетию со дня смерти Н. В. Гоголя

Великий русский писатель . . . 3
Н. К. Пиксанов. Драматургия Гоголя 6
И. Я. Айзеншток. Н. В. Гоголь и Петербургский университет . . 17

К стопятидесятилетию со дня рождения В. Гюго

Б. Г. Реизов. Творческий путь Виктора Гюго 39
Т. М. Луценко. Виктор Гюго в современной французской прогрессивной критике 55

Философия

В. П. Тугаринов. Диалектический материализм о законе и закономерности 66

Экономика

С. А. Ильин. Некоторые итоги хозяйственной деятельности укрупненных колхозов Ленинградской области 95

Право

Ю. К. Толстой. Проблема обеспечения субъективных гражданских прав 113
Н. В. Рабинович. Практика Верховного Суда СССР по гражданским делам 131

История

М. С. Иванов. Положение рабочих и рабочее движение в Иране в годы второй мировой войны и после ее окончания (1941—1947 гг.). 145
Д. И. Гольдберг. Борьба японского народа за сохранение мира, за возрождение и независимость своей родины 170

Обзоры и рецензии

О. С. Иоффе. Проф. В. Василёв. К теории плановых договоров. София, 1951. 195

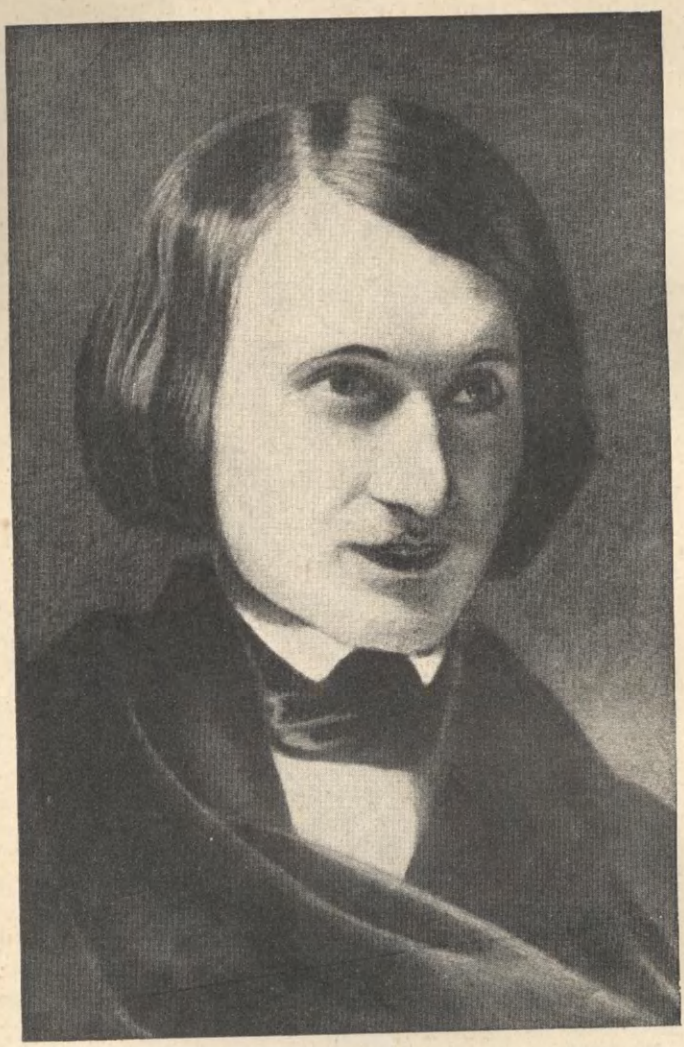
Хроника

Н. И. Соколов. Гоголевские дни в Ленинградском университете . . 200
З. Плавскин. Юбилей В. Гюго в университете 202
М. Н. Попов и *Т. А. Казакевич.* Обсуждение макета II тома «Истории философии» . . . 202

Ежегодная научная сессия Ленинградского университета 1951 г.

С. В. Владимиров. Секция филологических наук 208
Н. П. Попов. Секция философии . 211
Н. Н. Залесский. Секция исторических наук 212
В. П. Дукальтетенко. Секция кафедры марксизма-ленинизма . . 213
И. П. Строганова. Секция востоковедческих наук 214
М. О. Афонская. Секция факультета народов Севера 216
Н. В. Рабинович. Секция юридических наук 217

История Санкт-Петербургского университета в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/



НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ГОГОЛЬ

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

И. Я. Айзенштok

Н. В. ГОГОЛЬ И ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Чествование памяти Н. В. Гоголя в связи с исполнившимся столетием со дня его смерти имеет для Ленинградского университета особый смысл: в продолжение полутора лет (с 24 июля 1834 г. по 31 декабря 1835 г.) великий писатель был адъюнкт-профессором Петербургского университета по кафедре всеобщей истории.

Этот эпизод биографии писателя до настоящего времени не может считаться выясненным во всей желательной полноте. Скудные свидетельства современников, не менее скудные позднейшие припоминания мемуаристов, письма и высказывания самого Гоголя, наконец, официальные документы и материалы — все это, даже вместе взятое, оставляло широкое поле для всевозможных догадок, для различных, не всегда достаточно обоснованных суждений и оценок.

В настоящее время существует возможность уточнить и конкретизировать этот биографический эпизод — полуторагодичное преподавание Гоголя в Петербургском университете.

* * *

О профессорстве Гоголя в свое время рассказал А. В. Никитенко,[1] в дневниковой записи, отмеченной явным и плохо скрытым недоброжелательством к писателю. Причины этого недоброжелательства многообразны: здесь и откровенная зависть к успехам более молодого и неизмеримо более талантливого «земляка», здесь и осадок от столкновений цензора Никитенко с писателем Гоголем,[2] здесь, наконец, и стремление охранить «высокую», «настоящую» цеховую науку от посягательств «посторонних», не обладавших соответствующими учеными степенями, званиями и чинами, стремление, с особенной выразительностью проявившееся в Никитенко значительно позже, уже в 60-е годы, но присущее ему с первых лет его профессорской деятельности.

---

[1] А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. 1, Изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 263—264.

[2] Ср., например, в дневнике Никитенко запись 14 апреля 1834 г.: «Был у Плетнева. Видел там Гоголя: он сердит на меня за некоторые непропущенные места в его повести, печатаемой в „Новоселье" («Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», — *И. А.*). Бедный литератор! Бедный цензор!» (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. 1, стр. 242). Еще раньше, в феврале 1834 г., по представлению Никитенко запрещен гоголевский «Кровавый бандурист», отрывок из незаконченного романа «Гетьман», предназначавшийся в «Библиотеку для чтения» (Литературный музеум, кн. 1, СПб., 1920, стр. 351—354).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Предвзято недоброжелательная тенденция и привела Никитенко к фактическим ошибкам. В его характеристике Гоголь не только не имеет решительно никаких прав на преподавание в университете, но самое обращение Гоголя к министру Уварову об университетской кафедре было продиктовано исключительно только наличием влиятельных знакомых.

В действительности тяга Гоголя к университетскому преподаванию обусловливалась прежде всего давними и достаточно глубокими его интересами к истории. В наиболее ранней из записных книг писателя, так называемой «Книге всякой всячины» (первые записи в ней относятся к 1826—1827 гг.), мы уже встречаем и разнообразные выписки из исторических источников (вроде известных сочинений о России Флетчера, Олеария, барона Мейерберга, Одерберга и др.), и заимствованные из исторических сочинений более общего характера записи о «Музыкальных орудиях древних греков», «Об одежде персов» (с подзаголовком: «Из Винкельмана»), «Мысли об истории вообще», пространную цитату из А. Тьерри и т. д.

Эти интересы не исчезли у Гоголя и после переезда его на жительство в Петербург, после того как в центре его внимания оказались беллетристические опыты, работа над повестями из украинского народного и поместного быта, составившими несколько позднее две книжки «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Эти же интересы привели двадцатидвухлетнего Гоголя на педагогическое поприще: 9 февраля 1831 г. он назначается младшим учителем истории в женский Патриотический институт, а с 1 апреля того же года занимает должность старшего учителя по той же специальности.[1]

Летом 1832 г., остановившись в Москве по дороге на Украину, Гоголь знакомится с историком М. П. Погодиным. Об этом знакомстве последний в дневнике своем записал: «Познакомился с Гоголем и имел случай сделать ему много одолжений. Говорил с ним о Малороссийской истории. Большая надежда, если восстановится его здоровье. Он рассказывал мне много чудес о своем курсе истории в Патриотическом институте женском в Петербурге. Из его воспитанниц нет ни одной не успевшей».[2]

Если припомнить известную, вошедшую в многочисленные анекдоты скупость Погодина как на какие-либо материальные «оказательства», так и на простые похвалы, то приведенная его запись с полной несомненностью свидетельствует о весьма сильном, предельно благоприятном впечатлении от нового знакомства и, в частности, от специально исторических познаний и способностей Гоголя. Рассказы последнего о своих педагогических успехах даже настолько увлекли Погодина, что он начал усиленно домогаться присылки ему тетрадей учениц Гоголя с записями его лекций, — и от него самого, и через посредство П. А. Плетнева, бывшего в то время инспектором классов в Патриотическом институте.

Очень показательно ответное письмо Плетнева. Уверяя своего корреспондента, что в преподавании Гоголя нет какого-нибудь нового «порядка в истории или какого-нибудь придуманного Гоголем облегчения», Плетнев одновременно попытался сформулировать причину успеха его преподавания и отличительные черты Гоголя-преподавателя. «Он тем же превосходит товарищей своих как учитель, чем он выше стал многих как писатель, т. е. силою воображения, которое под его пером всему сооб-

[1] Русская старина, № 12, 1887, стр. 750; № 9, 1902, стр. 652. Ср. также: Василий Гиппиус. Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. М., 1931, стр. 112.

[2] Николай Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 4. СПб., 1891, стр. 113—114.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

щает чудную жизнь и увлекательное правдоподобие», — писал Плетнев, добавляя еще в другом месте, что «рассказ уроков» Гоголя его ученицам «очень приятен, потому что Гоголь останавливает внимание учениц больше на подробностях предметов, нежели на их связи и порядке».[1]

Сам же Гоголь, как бы продолжая беседы, начатые при личном знакомстве, рассказывал в одном из первых же писем к Погодину (20 июля 1832 г.): «Родились у меня две крупные мысли о нашей любимой науке, которыми Вам когда-нибудь похвастаюсь».[2]

С начала 1833 г. упоминания о научных интересах Гоголя приобретают в его письмах большую конкретность и осязательность. Он настойчиво подчеркивает сближающую его с Погодиным общность интересов,[3] он тоном специалиста оценивает издаваемые Погодиным учебные книги по всеобщей истории,[4] он заговаривает, наконец, о задуманных им и даже подготовляемых к печати собственных больших трудах. 1 февраля 1833 г., отказывая Погодину в присылке записей своих институтских лекций, так как записи эти «очень обезображены посторонними и чужими прибавлениями», Гоголь пишет: «Лучше обождите несколько времени: я Вам пришлю или привезу чисто свое, которое подготовляю к печати. Это будет всеобщая история и всеобщая география в трех, если не в двух томах, под названием З е м л я и Л ю д и. Из этого гораздо лучше Вы узнаете некоторые мои мысли об этих науках» (X, 256).

Однако обширные планы и замыслы писателя почти сразу же наталкиваются на громадные, кажущиеся подчас непреодолимыми, трудности внутреннего, душевного порядка. «Как-то не так теперь работается!— восклицает Гоголь в письме к Погодину 20 февраля 1833 г. — Не с тем вдохновенно-полным наслаждением царапает перо бумагу. Едва начинаю, и что-нибудь совершу по Ист[ории], уже вижу собственные недостатки: то жалею, что не взял шире, огромнее объему, то вдруг зиждется совершенно новая система и рушит старую. Напрасно я уверяю себя, что это только начало, эскиз, что оно не нанесет пятна мне, что судья у меня один только будет, и тот один — друг [имеется в виду сам Погодин, — *И. А.*]. Но не могу, не в силах. Чорт побери пока труд мой, набросанный на бумаге, до другого, спокойнейшего времени» (X, 262).

А следующее, написанное после значительного перерыва, письмо тому же адресату (28 сентября 1833 г.) пронизано сетованиями на пережитые «кризисы», на ничтожность сделанного по сравнению с грандиозностью обуревающих душу, воображение планов. «Какой ужасный для меня этот 1833-й год! — восклицает Гоголь. — Боже, сколько кризисов! настанет ли для меня благодетельная реставрация после этих разреши-

---

[1] Там же, стр. 114.

[2] Н. В. Г о г о л ь. Полн. собр. соч., т. X. Изд. АН СССР, 1940, стр. 238. (В дальнейшем ссылки на гоголевские тексты в этом издании даются в самом тексте).

[3] «По всему мы должны быть соединены тесно друг с другом. Однородность занятий — заметьте, и у Вас, и у меня. Главное дело всеобщая история, а прочее стороннее — словом, все меня уверяет, что мы не должны разлучаться на жизненном пути» (10 января 1833 г.; X, 254).

[4] «Я только теперь прочел изданного Вами Беттигера. Это, точно, одна из удобнейших и лучших у нас история. Некоторые мысли я нашел у ней совершенно сходными с моими и потому тотчас выбросил их у себя ... Я нахожу только в ней тот недостаток, что во многих местах не так развернуто и охарактеризовано время. Так Александрийский век слишком бледно и быстро промелькнул у него. Греки, в эпоху национального образованного величия, у него — звезда не больше других, а не солнце древнего мира. Римляне, кажется, уже слишком много, внутренними и внешними разбоями, заняли места против других. Но эти замечания собственно для нас, а для Руси, для преподавания, это са[мая] золотая книга» (X, 256).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

тельных революций? — Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил!» (X, 277).

Упоминание о «кризисах» — не выдумка и не словесное украшательство: сколько можно судить по отдельным разрозненным фактам и намекам, на протяжении всего 1833 г. Гоголь пытался уяснить, — прежде всего самому себе, — характер дальнейшей своей деятельности. Успех «Вечеров на хуторе близ Диканьки» настойчиво подсказывал ему путь дальнейшей профессионализации, упрочения и совершенствования столь блестяще начатой литературной деятельности. Вместе с тем не покидали писателя мысли о возможности и иного рода «карьеры», — ученой, о возможности счастливого сочетания напряженной и увлекательной научной работы с плодотворной творческой литературной деятельностью. Примеры подобного сочетания были у него на виду, начиная с Погодина, подобную же проблему у него на глазах разрешал и Пушкин.

Параллельно развивалась другая линия «кризисов», на которой снова причудливо скрещивались научные интересы и литературные склонности Гоголя. От автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» широкий читатель ожидал и в дальнейшем столь же развлекательных и веселых повестей, между тем Гоголь замышлял, а отчасти даже писал произведения совершенно иного характера и настроения, произведения «со злостью и смехом», вроде «Владимира третьей степени», «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и др. В то же время, осваивая накопленные фольклорно-исторические материалы, Гоголь все больше начинал задумываться о возможности их использования не только в беллетристической форме, но также в виде научных работ: всего более его интересовала история Украины, разумеемая им как один из эпизодов всемирной («всеобщей») истории. 9 ноября 1833 г. он сообщает М. А. Максимовичу, что «принялся за историю нашей единственной, бедной Украины» и рассчитывает сказать «много такого, чего до меня не говорили» (X, 284).

Выход из «кризисов» наметился в самом конце 1833 г., когда возникшая в среде киевской администрации мысль об основании в Киеве университета неожиданно получила поддержку правительственных кругов в Петербурге, а затем и одобрение самого Николая I,[1] когда, несмотря на отсутствие у нового университета необходимой материальной базы и денежных средств, — ряд ученых в разных городах получил полуофициальные приглашения переехать в Киев. Среди приглашенных оказался Максимович; последний в свою очередь выдвинул на кафедру всеобщей истории кандидатуру Гоголя, одновременно известив об этом его самого.

Восторженность ответного письма Гоголя убедительно свидетельствует, насколько по вкусу пришлось ему неожиданное приглашение. «Туда, туда! в Киев! в древний, в прекрасный Киев!», воодушевленно восклицает он и наполняет свое письмо сложной гаммой переживаний — надеждами, мечтами, опасениями, связанными с вожделенным переездом в Киев. Он уверяет приятеля, что ему «надоел Петербург, или, лучше, не он, но проклятый климат его», он мечтает, как «славно будет, если мы займем с тобой киевские кафедры», как «много можно будет наделать добра».

«А новая жизнь среди такого хорошего края! — восклицает Гоголь тотчас же следом. — Там можно обновиться всеми силами. Разве это малость? Но меня смущает, если это не исполнится... Если же испол-

[1] См.: М. Ф. Владимирский-Буданов. История императорского Университета св. Владимира, т. I. Киев, 1884, стр. 60—61, 65 и сл.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нится, да ты надуешь, — тогда одному приехать в этот край, хоть и желанный, но быть одному совершенно, не иметь с кем заговорить языком души — это страшно!». И самый переезд в Киев, и особенно перспектива преподавания в тамошнем университете представляются ему уже настолько осязательными, что он озабочивается приисканием хороших сотоварищей: «Нужно будет стараться кого-нибудь из известных людей туда впихнуть, истинно просвещенных и так же чистых и добрых душою, как мы с тобою» (X, 288).

Не менее восторженно, хотя и более связно, звучит письмо Гоголя к А. С. Пушкину (23 декабря 1833 г.): «Я восхищаюсь заранее, когда воображу, как закипят труды мои в Киеве. Там я выгружу из-под спуда многие вещи, из которых я не все еще читал Вам. Там кончу я историю Украины и юга России и напишу Всеобщую историю, которой, в настоящем виде ее, до сих пор, к сожалению, не только на Руси, но даже в Европе нет. А сколько соберу там преданий, поверьев, песен и проч.! . . . Как занимательными можно сделать университетские записки; сколько можно поместить подробностей, совершенно новых о самом крае!» (X, 290—291).

Киевская кафедра, таким образом, представлялась Гоголю идеальным разрешением мучивших его сомнений и чаяний: она не только открывала перед ним широкую дорогу ученого, историка, фольклориста, краеведа, писателя, не только позволяла органически объединить разнообразные его интересы и влечения; в ней, как говорит В. В. Гиппиус, одновременно «реализовалась и давняя юношеская мечта Гоголя об истинно полезной службе — мечта, развеянная без следа действительностью петербургских департаментов».[1]

Гоголь энергично начинает подготовлять почву для своего переезда в Киев и назначения профессором Киевского университета. Он упрашивает Пушкина и Жуковского хлопотать за него перед министром народного просвещения Уваровым; через Жуковского в эти хлопоты вовлекаются также старые товарищи Уварова по «Арзамасу» — Д. В. Дашков и Д. Н. Блудов.

Как бы предвидя возможность возникновения препятствий из-за отсутствия у него ученых трудов, Гоголь решается «не зевать и вместо словесных представлений набросать мои мысли и план преподавания на бумагу», в уверенности, как пишет он Пушкину (в том же письме 23 декабря 1833 г.), что «если я дождусь прочитать план мой, то в глазах Уварова он меня отличит от толпы вялых профессоров, которыми набиты университеты» (X, 290). Одна за другой появляются в печати статьи Гоголя: «План преподавания всеобщей истории»,[2] «Отрывок из истории Малороссии, том 1-й, кн. 1-я, гл. 1»,[3] «О малороссийских песнях».[4]

Гоголю кажется, что выход из кризиса найден, что наступающий 1834 г. окажется для него переломным. В небольшой заметке дневникового характера, — едва ли не единственной во всем огромном его литературном наследии, — Гоголь приветствует «таинственный, непзъяснимый 1834», вопрошая: «Где означу я тебя великими трудами? Среди ли этой

[1] Вас. Гиппиус. Н. В. Гоголь. В: Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 1. Изд. АН СССР, 1940, стр. 29.

[2] Журнал Министерства народного просвещения, № 2, ч. 1, отд. 2, 1834, стр. 189—209. (Вошла в «Арабески» под заглавием «О преподавании всеобщей истории»).

[3] Журнал Министерства народного просвещения, № 4, ч. 2, отд. 2, 1834, стр. 1—15. (Вошла в «Арабески» под заглавием «Взгляд на состояние Малороссии»).

[4] Журнал Министерства народного просвещения, № 4, ч. 2, отд. 2, 1834, стр. 16—26. (Вошла в «Арабески» под тем же заглавием)

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

кучи набросанных один на другой домов, гремящих улиц, кипящей меркантильности, — этой безобразной кучи мод, парадов, чиновников, диких северных ночей, блеску и низкой бесцветности? В моем ли прекрасном, древнем, обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами, опоясанном моим южным прекрасным, чудным небом, упоительными ночами, где горы обсыпаны кустарниками, своими как бы гармоническими обрывами, и подмывающий ее мой чистый и быстрый, мой Днепр.—Там ли?— О!.. Я не знаю, как назвать тебя, мой гений!.. О, не разлучайся со мной! Живи на земле со мною хоть два часа каждый день, как прекрасный брат мой! Я совершу... Я совершу. Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле божество! Я совершу!.. О, поцелуй и благослови меня!».[1]

Ему кажется, что выбор уже окончательно сделан. Он работает с громадным увлечением, с подлинной страстью. «Я весь теперь погружен в Историю Малороссийскую и Всемирную, — пишет он Погодину 11 января 1834 г., — и та, и другая у меня начинает двигаться. Это сообщает мне какой-то спокойный и равнодушный к житейскому характер...». И немного ниже: «Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! Да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что необщее во всеобщей истории. Малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» (X, 294). А Максимовичу несколько позже (12 февраля 1834 г.) он сообщает: «Историю Малороссии я пишу всю от начала до конца. Она будет или в шести малых, или в четырех больших томах» (X, 297).

Говоря о своих исторических трудах, с точностью определяя даже их предполагаемый объем, Гоголь считал, что при складывающихся так благоприятно обстоятельствах, при богатстве и разнообразии собранного материала, уже начатого разработкой, осуществление задуманных сочинений является делом сравнительно легким и недолгим. В этом его подкрепляло и то обстоятельство, что отдельные написанные, — пускай, самые начальные, — разделы будущего труда уже шли в печать, тем самым как бы утверждая близкое окончание целого. Так думал и твердо в это верил сам Гоголь, в этом сумел он уверить и всех окружающих.

Всем этим блестящим надеждам не суждено было осуществиться. Уже 29 марта 1834 г. Гоголь сообщал Максимовичу, что министр ему «обещал непременно» кафедру в Киеве «и требовал даже, чтобы я сейчас подавал просьбу, но я останавливаюсь затем, что мне дают только адъюнкта, уверяя впрочем, что через год непременно сделают ординарным» (X, 307).

Однако вскоре после того, как было написано это письмо, киевская кафедра уже была занята другим лицом: вопреки всем ожиданиям и хлопотам Гоголя, на нее был назначен, по представлению киевского попечителя, адъюнкт Харьковского университета В. Ф. Цых, незадолго перед тем защитивший магистерскую диссертацию «Решение вопроса, по причине беспрестанного умножения массы исторических сведений и распространения объема истории, не оказывается ли нужным изменить обыкновенный способ преподавания сей науки, и какой он должен быть

[1] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. III. Под ред. Н. И. Коробки. СПб., стр. 383—384.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

именно, как вообще, так и особенно в университетах» (Харьков, 1833).[1] Возможно, что именно наличие у Цыха ученой степени послужило главной и непосредственной причиной его предпочтения Гоголю; в то же время автобиографические записки Е. Ф. фон-Брадке как будто намекают на существование между этим последним и молодым харьковским претендентом каких-то личных дружеских отношений.[2] Во всяком случае 21 апреля 1834 г. Цых был уже в Киеве; Гоголю же была предложена кафедра русской истории, от которой он решительно отказался, не чувствуя себя подготовленным к ее занятию.[3]

Так же решительно отказался он и от предложения Погодина ходатайствовать о его назначении в Московский университет. «На предложение твое об адъюнктстве я вот что скажу тебе, — писал он Погодину 23 июня 1834 г. — Я недавно только что просился профессором в Киев, потому что здоровье мое требует этого непременно, также и труды мои. Вот чем можно извинить мне искание профессорства... Прося профессорства в Киеве, я обеспечиваю там себя совершенно в моих нуждах, больших и малых; но взявши московского адъюнкта, я не буду сыт, да и климат у вас в Москве ничуть не лучше нашего чухонского, петербургского. Итак, ты видишь физически невозможным мое перемещение» (X, 325).

Наконец, 23 июля 1834 г., рекомендуя Погодину гимназического своего товарища П. Г. Редькина, только что возвратившегося из-за границы и желавшего занять профессорскую кафедру «по юридической части», Гоголь как бы мимоходом сообщает: «Я на время решился занять здесь [т. е. в Петербургском университете, — *И. А.*] кафедру истории, и именно средних веков. Если ты этого желаешь, то я тебе пришлю некоторые свои лекции, с тем только, чтобы ты взамен прислал мне свои. Весьма недурно, если бы ты отнял у какого-нибудь студента тетрадь записываемых им твоих лекций, особенно о средних веках, и прислал бы... мне теперь же» (X, 333).

На следующий день, 24 июля 1834 г., состоялось официальное определение Гоголя адъюнкт-профессором по кафедре всеобщей истории при Петербургском университете.

Мы в подробностях остановились на «предистории» определения Гоголя в Петербургский университет, так как подробности эти с полной убедительностью разоблачают вздорную предвзятость большой части слухов и сплетен, накоплявшихся вокруг этого эпизода биографии писателя. Не «самонадеянность» Гоголя будила и поддерживала в нем стремление к профессуре, но, как показано выше, — желание гармонически сочетать писательский свой талант с историческими и фольклористическими

[1] О нем см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Университета св. Владимира (1834—1884). Киев, 1884, стр. 724—728, 813—815; В. П. Бузескул. О лекциях В. Ф. Цыха, профессора Харьковского университета в 30-х годах прошлого века. Сборник Харьк. историко-филол. общ., т. XIX. Харьков, 1913, стр. 188—194.

[2] Автобиографические записки Егора Федоровича фон-Брадке. Русский архив. № 3, 1875, стр. 283—284; М. Ф. Владимирский-Буданов, ук. соч., стр. 107.

[3] «Право, — писал он Максимовичу 28 мая 1834 г., — странно они воображают, что различие предметов это такая маловажность и что, кто читал словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку; как будто пирожник для того создан, чтобы тачать сапоги. С ума сойду, если мне дадут русскую историю» (X, 319). В бумагах Гоголя оказалось довольно значительное количество выписок по русской истории; в большинстве своем, однако, они делались в связи с занятиями историей средних веков (см. «Памяти В. А. Жуковского и Н. В. Гоголя» (вып. III, СПб., 1909, стр. 133—202) и, конечно, не могли служить основой для самостоятельного университетского курса.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

интересами, патриотическое стремление соединить в своем лице и писателя-художника, и ученого-историка, и фольклориста-собирателя.

Конечно, у Гоголя не было официально признанных ученых званий, но, как убедительно показал в свое время С. А. Венгеров,[1] в обстановке российской действительности тридцатых годов прошлого столетия даже наличие званий и степеней не гарантировало оригинальности воззрений и глубины учености в преподаваемых университетских дисциплинах.[2] Кроме того, практика назначений университетских преподавателей того времени знала массу случаев, когда совершенно игнорировалось полученное назначаемым претендентом специальное образование. Так, например, ординарный профессор ботаники Московского университета М. А. Максимович был назначен в Киевский университет ординарным же профессором, но на кафедру российской словесности. А. В. Никитенко, начавший свою преподавательскую деятельность в Петербургском университете на кафедре политической экономии и статистики, читавший «теорию о народном богатстве по Адаму Смиту» и написавший даже специальное сочинение «О главных источниках народного богатства», вскоре затем перешел на кафедру российской словесности и занимал ее в течение тридцати лет.[3] Можно вспомнить также харьковского профессора русской истории П. П. Гулака-Артемовского, который, поступив в Харьковский университет вольнослушателем, т. е. не имея необходимого образования, не держа вступительных экзаменов, через год был назначен преподавателем польского языка в университете, немного спустя — преподавателем русской истории, затем профессором и т. д. Весь его научный багаж за тридцать лет профессорской деятельности составили две актовые речи: одна в день открытия кафедры польского языка в университете, другая — «при начатии нового курса учения» 1 сентября 1828 г.[4]

При подобном положении те несколько статей, которые Гоголь напечатал в первые месяцы 1834 г. и которые намечали весьма широкие перспективы дальнейшей плодотворной работы их автора, были достаточным научным багажом для занятия университетской кафедры не только в представлении Уварова или доброжелательно настроенных ходатаев перед ним за Гоголя; они были достаточны по мнению каждого непредубежденного современника. Убедительное тому доказательство — живой интерес к научной продукции Гоголя со стороны Погодина и Н. И. Надеждина, который просил о присылке ему для «Телескопа» отрывков из задуманной Гоголем «Истории Малороссии».[5]

Назначение Гоголя адъюнкт-профессором Петербургского университета отчасти удовлетворяло его самолюбие, уязвленное киевской неудачей. Однако вместе с тем это назначение, по удачному определению В. В. Гиппиуса, «разрушало гоголевский замысел в самой его основе»:

---

[1] С. А. Венгеров. Писатель-гражданин. Гоголь. СПб., 1913, стр. 35—50.

[2] Ср. у Венгерова: «В то блаженное время, в огромном большинстве случаев и не слыхать было, чтобы профессор преподавал что-нибудь самостоятельное. Читали тогда в буквальном смысле слова по тому или другому переводному руководству. Так, напр., читали не словесность вообще, а „словесность по Бургию", „право по Гейнекцию" и т. д. Уж на что был ученый человек Каченовский, но и он читал не всеобщую историю, а „всеобщую историю по Полицу"» (См. ук. соч., стр. 37).

[3] Отчеты Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1866—1891 гг., стр. 278—279.

[4] Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Харьков, 1908, стр. 319—326.

[5] См. письмо Гоголя к Погодину от 13 марта 1834 г. (X, 302—303).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

«Единство интересов и деятельности распадалось. Стимулов к продолжению „Истории Украины", к собиранию и изучению украинских песен уже не было... Грандиозные исторические замыслы его вскоре сошли на нет».[1]

К тому же украинские исторические и фольклористические интересы Гоголя в это время находят новое свое преломление — в форме исторической эпопеи («Тарас Бульба») и историческо-сказочной фантастики («Вий»), на реалистической в каждом случае основе. Несколько позже он пытается подобным же образом использовать собранные материалы по истории средних веков — для драмы об английском короле Альфреде («Альфред»).[2] И в то же время, в записных тетрадях писателя один за другим появляются первоначальные наброски (а затем и более детальная, углубленная разработка) художественных произведений, основанных на совершенно ином материале, связанных с впечатлениями и непосредственными наблюдениями живой петербургской действительности. Одна за другой вырисовываются в творческом сознании Гоголя, переносятся на бумагу, приобретают все более конкретные очертания «петербургские повести» — «Невский проспект», «Портрет», «Записки сумасшедшего», «Нос».

Все это во многом объясняет фактическую историю профессорства Гоголя в Петербургском университете.

* *

Мы располагаем воспоминаниями (как будет показано далее, — разной ценности, различного качественного наполнения) примерно десяти лиц о преподавательской деятельности Гоголя в Петербургском университете. Чаще других обычно цитировалась коротенькая заметка о Гоголе-профессоре в воспоминаниях И. С. Тургенева.[3]

Запоминающаяся, благодаря блестящему художественному мастерству писателя, эта страничка ярко запечатлевала в воображении читателей образ незадачливого профессора, обязательно пропускавшего две лекции из трех, «ужасно» конфузившегося на кафедре перед студентами и университетским начальством, не говорившего свои лекции, а шептавшего «что-то весьма несвязное», то и дело подменявшего обычное лекционное преподавание мало вразумительным показом «маленьких гравюр на стали, изображавших виды Палестины и других восточных стран».

Как итог своих впечатлений Тургенев вспоминает экзамен по предмету всеобщей истории, на котором Гоголь «сидел, повязанный платком, якобы от зубной боли — с совершенно убитой физиономией — и не разевал рта. Спрашивал студентов за него профессор И. П. Шульгин».

При всей своей кажущейся несомненной убедительности воспоминания Тургенева не могут быть признаны вполне достоверными. Писатель не просто запечатлевал в них былые свои впечатления и наблюдения, но пытался осмысливать их, во-первых, сквозь призму прошедших со времени своего студенчества сорока лет, во-вторых — в свете ставшей ему с тех пор известной биографической литературы о Гоголе, воспоминаний о

[1] Вас. Гиппиус. Н. В. Гоголь. В: Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., т. I. Изд. АН СССР, 1940, стр. 30.

[2] Подробный анализ исторических источников драмы и связь ее с историческими занятиями Гоголя см.: М. П. Алексеев. Драма Гоголя из англо-саксонской истории. В кн.: Н. В. Гоголь. Материалы и исследования. Под ред. В. В. Гиппиуса, кн. 2. М.—Л., 1936, стр 242—285.

[3] И. Тургенев. Литературные и житейские воспоминания. Л., 1934, стр. 130.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нем, его писем. Подтекстом всего данного эпизода было для Тургенева противопоставление гениального художника Гоголя бездарному Гоголю-профессору, противопоставление, безусловно, целиком вытекавшее из литературно-политической борьбы вокруг Гоголя, которая в конце шестидесятых—начале семидесятых годов приобретала новую остроту и значимость. Образ Гоголя, нарисованный либералом Тургеневым, должен был полемически противустать высокой оценке Гоголя как борца с неправдами бюрократическо-крепостнического самодержавного строя, какую неизменно давали писателю революционные демократы, начиная с Белинского. В полемическом запале Тургенев привнес в свою характеристику Гоголя-профессора преувеличение и шарж, исказил историческую действительность.

Совершенно точным и достоверным в воспоминаниях Тургенева является одно: то, что Гоголь явился на экзамен по своему предмету больным (об этом, как увидим, пишут и другие мемуаристы) и экзамен принимал И. П. Шульгин. При этом, однако, Шульгин не потворствовал в данном случае желанию Гоголя самоустраниться от неприятной для него обязанности, но следовал общему в то время положению, согласно которому экзамены принимались профессором, занимающим кафедру (Гоголь был адъюнктом у Шульгина).

Отмеченные недостатки воспоминаний Тургенева особенно выразительно выступают при сравнении их с небольшой заметкой Н. И. Иваницкого,[1] основанной на студенческих дневниках последнего и потому сохраняющей не одну только фактическую точность, но и верность передаваемых настроений и впечатлений.

Воспоминания Иваницкого суммируют основные фактические данные об интересующем нас эпизоде, сообщают материал, отправляясь от которого, внося в него необходимые отдельные поправки, можно с полной убедительностью представить Гоголя на университетской кафедре и понять причины его неудачи на этом поприще. В частности, Иваницкий дает наиболее верную и точную среди дошедших до нас характеристику первой, вступительной лекции Гоголя.[2]

«На первую лекцию,—рассказывает Иваницкий, — он [т. е. Гоголь—*И. А.*] явился в сопровождении инспектора студентов, раскланялся с нами и, в ожидании ректора, начал о чем-то говорить с инспектором, стоя у окна. Заметно было, что он находился в тревожном состоянии духа: вертел в руках шляпу, мял перчатку и как-то недоверчиво посматривал на нас. Наконец подошел к кафедре и, обратясь к нам, начал объяснять, о чем намерен он читать сегодня лекцию. В продолжение этой коротенькой речи, он постепенно всходил по ступеням кафедры: сперва встал на первую ступеньку, потом — на вторую, потом — на третью. Ясно, что он не доверял сам себе и хотел сначала попробовать, как-то

[1] Н. И. Иваницкий. Выправка некоторых биографических известий о Гоголе. Отечественные записки, № 2, отд. VIII, 1853, стр. 120—121. — Автор воспоминаний. Николай Иванович Иваницкий, в 1833—1838 гг. был студентом Петербургского университета. Позднее учительствовал, а в 1853—1858 гг. служил директором Псковской гимназии. Не был чужд писательству, благодаря чему встречался с рядом выдающихся писателей тридцатых-сороковых годов. Его автобиографические записки (см.: Щукинский сборник, вып. VIII, М., 1909) отличаются большой точностью сообщаемых сведений. См. о нем: Русский биографический словарь, Ибак-Ключарев. СПб., 1897, стр. 3—4.

[2] Вскоре после произнесения она была напечатана (О средних веках. Вступительная лекция, читанная в Санкт-Петербургском университете адъюнкт-профессором Н. Гоголем. Журнал Министерства народного просвещения, № 9, ч. 3, отд. 2. 1834, стр. 409—427). В переработанном виде вошла в «Арабески».

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

он будет читать. Мне кажется однакож, что волнение его происходило не от недостатка присутствия духа, а просто от слабости нервов, потому что, в то время как лицо его неприятно бледнело и принимало болезненное выражение, мысль, высказываемая им, развивалась совершенно логически и в самых блестящих формах. К концу речи Гоголь стоял уже на самой верхней ступеньке кафедры и заметно одушевился. Вот в эту-то минуту ему и начать бы лекцию, но вдруг вошел ректор... Гоголь должен был оставить на минуту свой пост, который занял так ловко и даже, можно сказать, незаметно для самого себя. Ректор сказал ему несколько приветствий, поздоровался со студентами и занял приготовленное для него кресло. Настала совершенная тишина. Гоголь опять впал в прежнее тревожное состояние: опять лицо его побледнело и приняло болезненное выражение. Но медлить уж было нельзя: он взошел на кафедру, и лекция началась...

«Не знаю, прошло ли и пять минут, как уже Гоголь овладел совершенно вниманием слушателей. Невозможно было спокойно следить за его мыслью, которая летела и преломлялась, как молния, освещая беспрестанно картину за картиной в этом мраке средневековой истории. Впрочем, вся эта лекция из слова в слово напечатана в „Арабесках", кажется, под заглавием: „О характере истории средних веков". Ясно, что и в таком случае не доверяя сам себе, Гоголь выучил наизусть предварительно написанную лекцию и хотя во время чтения одушевился и говорил совершенно свободно, но уж не мог оторваться от затверженных фраз и потому не прибавил к ним ни одного слова.

«Лекция продолжалась три четверти часа. Когда Гоголь вышел из аудитории, мы окружили его в сборной зале и просили, чтобы он дал нам эту лекцию в рукописи. Гоголь сказал, что она у него набросана только вчерне, но что со временем он обработает ее и даст нам, а потом прибавил: „На первый раз я старался, господа, показать вам только главный характер истории средних веков; в следующий раз мы примемся за самые факты и должны будем вооружиться для этого анатомическим ножом"».

Авторитетность этой записи станет особенно очевидной, если сопоставить ее с другими сообщениями по этому поводу, не раз цитировавшимися в гоголевской литературе. Так, В. В. Григорьев, несомненно с чужих слов,[1] но тоном очевидца рассказав, что «весь университет ... с любопытством ожидал появления на кафедре пасечника Рудого Панька» и что «на первую лекцию навалили к нему в аудиторию все факультеты», очень развязным тоном сообщал далее о полном провале первой, вступительной лекции, предопределившем неудачу и последующих: «Сконфузился наш пасечник, читал плохо и произвел весьма невыгодный для себя эффект. Этого впечатления не поправил он и на следующих лекциях».[2]

---

[1] В. В. Григорьев закончил курс в Петербургском университете в июне 1834 г. и осенью поступил в Институт восточных языков при Министерстве иностранных дел, так что на вступительной лекции Гоголя он никак быть не мог (см.: Н. И. Веселовский. Василий Васильевич Григорьев, по его письмам и трудам. 1816—1881. СПб., 1887, стр. 15, 19).

[2] В. В. Григорьев. Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. Русская беседа, кн. III, Смесь, 1856, стр. 24—26.—«Иначе, впрочем, и быть не могло»,— писал Григорьев далее, объясняя «несостоятельность» Гоголя отсутствием у него специального исторического образования, а также тем, что у него не было для университетского преподавания «ни истинного призвания, ни достаточной начитанности, ни даже средств приобрести ее, не говоря уже о совершенном отсутствии ученых приемов и соответственного времени взгляда на науку». Подобное высокомерное третирование

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Слабая осведомленность Григорьева в действительных фактах с особенной очевидностью разоблачается тем, что он называет среди слушателей первой лекции Гоголя — Пушкина и Жуковского; в действительности, как увидим далее, посещение Пушкина и Жуковского относится к одной из следующих лекций.

Возвращаясь к воспоминаниям Иваницкого, следует отметить, что и в сообщениях о последующих лекциях он обнаруживает такую же точность и достоверность, как и в приведенной выше цитате. Он пишет далее:

«Мы с нетерпением ждали следующей лекции. Гоголь приехал довольно поздно и начал ее фразой: „Азия была всегда каким-то народоверженным вулканом". Потом поговорил немного о великом переселении народов, но так вяло, безжизненно и сбивчиво, что скучно было слушать, и мы не верили сами себе, тот ли это Гоголь, который на прошлой неделе прочел такую блестящую лекцию? Наконец, указав нам на кое-какие курсы, где мы можем прочесть об этом предмете, он раскланялся и уехал. Вся лекция продолжалась 20 минут. Следующие лекции были в том же роде, так что мы совершенно, наконец, охладели к Гоголю, и аудитория его все больше и больше пустела».

И в данном рассказе Иваницкий стоит несравненно ближе к действительности, нежели другие мемуаристы, вроде некоего А. С. Андреева, который в небольшой заметке умудрился «припомнить» очевидные небылицы.[1] Следует отметить кстати, что при этом Иваницкий отнюдь не преследует по отношению к Гоголю каких бы то ни было апологетических целей; он с достаточной прямотой говорит о недостатках Гоголя как профессора и лектора. Не обвиняя Гоголя, подобно Тургеневу, Андрееву и Григорьеву, в незнании того предмета, который он взялся преподавать, Иваницкий стремится показать, что неудача постигла писателя не по причине отсутствия необходимых знаний, а главным образом из-за незнакомства с необходимой дисциплиной научного, научно-преподавательского труда, из-за недостатка опыта в упорядочении накопленных обширных знаний, в систематическом изложении этих знаний посторонним.

Об этом Иваницкий особенно четко говорит в другом месте — в своей «Автобиографии» (писалась в 1843 г.), сравнивая Гоголя с заменившим его в преподавании истории средних веков М. С. Куторгой. «Конечно, — пишет здесь Иваницкий, — Гоголь имел прекрасный талант, только не профессорский. Постигнув совершенно способы изложения истории, он не мог однакож сам приводить планов своих в исполнение; потому что для этого нужны были огромная ученость и долголет-

---

Гоголя с позиций дипломированного ученого, отстаивавшего «подлинную» науку от посягательств сторонних претендентов, конечно, и несправедливо, и неверно по существу. В отзывах Григорьева о Гоголе, несомненно, проявились реакционные тенденции его статьи, которые привели его к грубому искажению исторических фактов, к оплеванию передовых деятелей эпохи, тенденции, которые вызвали глубокое возмущение современников. Так, Герцен, прочитав статью и отметив в ней места, в которых опорочивается идейно-общественный и нравственный облик Грановского, писал: «Неужели у Грановского не осталось ни одного близкого друга в России, который бы палкою отдул этого мерзавца?» (письмо к М. К. Рейхель, от 31 января 1857 г. в: А. И. Герцен. Полн. собр. соч. и писем. т. VIII. СПб., 1919, стр. 395). Даже умереннейший Никитенко заметил в своем «Дневнике» о Григорьеве, что «этот любезный господин с успехом шел по следам Булгарина» (А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I. стр. 491; запись 20 января 1857 г.).

[1] Н. С. Ашукин. Гоголь-профессор (из неизданных записок А. С. Андреева). (Сегодня. Альманах, II. М. 1927, стр. 164—166).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

няя опытность. А Гоголь к тому же был ленив, как и все поэты; только и прочитал он хорошо первую лекцию, да еще об Аравитянах, которую посетили Пушкин и Жуковский. Куторга имел гораздо более сведений и тоже был не без таланта; но — главное — он уже давно готовился к званию профессорскому и потому для нас был полезнее Гоголя».[1]

Упоминание о «поэтической лени» Гоголя, конечно, несправедливо. Оно полностью опровергается известной нам ныне громадной и напряженной творческой работой писателя именно в 1834—1835 гг. одновременно над разнообразными произведениями, составившими несколько позже две книги — «Миргород» и «Арабески», над рядом повестей, а во второй половине 1835 г. — над «Ревизором» и началом «Мертвых душ». Мемуаристу эта «лень» понадобилась для объяснения разительного несоответствия между отдельными блестящими лекциями Гоголя и многими остальными, проходившими «вяло, безжизненно». Между тем несоответствие это явилось в результате обработки Гоголем лишь очень небольшой части лекционного материала: на фоне нескольких обработанных и затем напечатанных в «Арабесках» лекций остальные должны были выглядеть тем более скудно, что лекторскими дарованиями Гоголь не отличался и был к тому же болезненно застенчив.[2]

Наконец Иваницкий упоминает об одном эпизоде профессорской деятельности Гоголя, который стоит несколько особо, — о посещении одной из его лекций Пушкиным и Жуковским. О неверном приурочении этого посещения к вступительной лекции Гоголя уже упомянуто выше. Иваницкий совершенно точно и, видимо, бесспорно (повторяем, что припоминания его опираются на старые дневниковые записи) относит это посещение к октябрю 1834 г. и рассказывает о нем вполне согласно с другим очевидцем, С. И. Барановским.

«Однажды — это было в октябре — ходим мы по сборной зале и ждем Гоголя. Вдруг входят Пушкин и Жуковский. От швейцара, конечно, они уж знали, что Гоголь еще не приехал, и потому, обратясь к нам, спросили только, в которой аудитории будет читать Гоголь. Мы указали на аудиторию. Пушкин и Жуковский заглянули в нее, но не вошли, а остались в сборной зале. Через четверть часа приехал Гоголь, и мы вслед за тремя поэтами вошли в аудиторию и сели по местам. Гоголь вошел на кафедру и вдруг, как говорится, ни с того, ни с другого начал читать взгляд на историю аравитян. Лекция была блестящая, в таком же роде, как и первая. Она вся из слова в слово напечатана в „Арабесках". Видно, что Гоголь знал заранее о намерении поэтов приехать к нему на лекцию и потому приготовился угостить их поэтически. После лекции Пушкин заговорил о чем-то с Гоголем, но я слышал одно только слово: „увлекательно" . . .

«Все следующие лекции Гоголя были очень сухи и скучны: ни одно событие, ни одно лицо историческое не вызвало его на беседу живую и одушевленную. . . Какими-то сонными глазами смотрел он на прошедшие века и отжившие племена. Без сомнения, ему самому было скучно и он видел, что скучно и его слушателям».[3]

---

[1] Автобиография Николая Ивановича Иваницкого. Щукинский сборник, вып. VIII. М., 1909, стр. 248.

[2] Застенчивость эта хорошо показана Иваницким при описании первой лекции Гоголя в университете.

[3] Воспоминания Степана Ивановича Барановского (с 1833 г. студента Петербургского университета, впоследствии — профессора русского языка в Гельсингфорском и Дерптском университетах) содержатся в его позднейшем письме к Я. К. Гроту, написанном в 1880 г. в связи с Пушкинскими торжествами в Москве. О про-

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

Свидетельства Иваницкого и Барановского, почти во всех подробностях согласующиеся между собою,[1] позволяют отвергнуть как досужий вымысел не только рассказы Григорьева и Андреева о данном эпизоде, но также беглое упоминание В. П. Гаевского, мемуариста, вообще говоря, весьма осведомленного и добросовестного, но в данном случае сделавшегося жертвой излишнего доверия к чьим-то сторонним и притом значительно более позднего времени припоминаниям.[2] Гаевский рассказывает, как «Гоголь просил Пушкина и Жуковского приехать когда-нибудь к нему на лекцию. Оба поэта, очень долго собиравшиеся воспользоваться его приглашением, наконец условились, уведомили об этом предварительно Гоголя и в назначенное время отправились в университет. Поэты нашли полную аудиторию студентов, но Гоголя еще не было; они решились его дожидаться, но прождали напрасно, потому что Гоголь вовсе не являлся».[3]

В данном случае очевидна контаминация двух верных каждый сам по себе мотивов: 1) о посещении Пушкиным и Жуковским одной из лекций Гоголя и 2) о склонности Гоголя опаздывать на лекции. Произвольное соединение обоих мотивов породило новый (и лживый) рассказ, давший, к сожалению, биографу писателя возможность заключить, что «Жуковский и Пушкин дважды приезжали в университет для слушания Гоголя».[4] Говорить всерьез о неявке Гоголя на лекции, после

фессорстве Гоголя, — сообщает Барановский, — «слышны были спорные мнения, и как бы для того, чтоб их проверить, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин решили неожиданно побывать на его лекции. Зная день и час, они оба вместе пришли послушать лекцию Н. В. Гоголя. Что их посещение было совершенною неожиданностью для нашего профессора, ясно выразилось в том, что обоим знаменитым посетителям пришлось вместе с нами, студентами, прождать с полчаса времени: лекции в то время продолжались по уставу полтора часа; Гоголь находил это время слишком долгим, утомительным и только на своей первой лекции проговорил во все положенное время; потом он сокращал продолжительность своих лекций, и для того, чтоб не прерывать лекций слишком рано, он обыкновенно опаздывал приходом на полчаса, иногда и на три четверти часа. Таким образом Жуковский и Пушкин провели несколько времени в беседе со студентами, ожидавшими своего профессора, который тогда произнес одну из лучших своих лекций, художественно охарактеризовав норманских витязей, завоевателей Сицилии, заселителей Исландии, грозных на морях и Черном и Каспийском, на берегах и Франции и Англии» (Русский архив, № 6, 1906, стр. 278).

[1] Существенные расхождения между Иваницким и Барановским касаются, в сущности, одного только вопроса: содержания лекции, прочитанной Гоголем в присутствии Пушкина и Жуковского. Правда при этом остается за первым мемуаристом: лекция Гоголя напечатана в «Арабесках» под заглавием «Ал-Мамун». Барановский стал в данном случае жертвой памяти, отмечавшей события почти пятьдесят лет спустя. Догадка Барановского о том, что Жуковский и Пушкин побывали на лекции Гоголя для того, чтобы «проверить» ходившие о его лекциях «спорные мнения», является, повидимому, отражением тех объяснений, какие давались этому посещению в студенческой среде.

[2] Ошибки Гаевского вызвали упомянутую мемуарную заметку Иваницкого.

[3] В. П. Гаевский. Заметки для биографии Гоголя. Современник. № 10, 1852. Смесь, стр. 145. — В свете ряда сообщений о присутствии Гоголя на заключительном экзамене неверным оказывается также дальнейший рассказ Гаевского о том, что «такой же маневр был употреблен Гоголем и в день, назначенный для испытания студентов по его предмету, с тою только разницею, что за ним послали, но оказалось, что он вовсе уехал из города». В. П. Гаевский родился в 1826 г., так что все факты в его заметке, очевидно, заимствованы им из рассказов других лиц.

[4] В. И. Шейрок. Материалы для биографии Гоголя, т. 2, М., 1893, стр. 383; ср.: П. Н. Берков. Пушкин и Петербургский университет. Вестник Ленингр. унив., № 6, 1949, стр. 123—124.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

документальных материалов, опубликованных Н. И. Мордовченко,[1] — в настоящее время невозможно.

Чтобы исчерпать наличный материал воспоминаний о Гоголе, приведем еще упоминание о нем в заметках о Петербургском университете тридцатых годов некоего Е. А. Матисена, особенно интересных тем, что автор их слушал также лекции Гоголя по древней истории.[2] Воспоминания Матисена предельно благожелательны по отношению к Гоголю; они во всяком случае показывают, что скептическое отношение к Гоголю-профессору отнюдь не было свойственно всем его слушателям.

Е. А. Матисен пишет: «Гоголь не был никогда научным исследователем и по преподаванию уступал специальному профессору истории Куторге, но поэтический свой талант, и некоторый даже идеализм, а притом и особую прелесть выражения, делавших его несомненно красноречивым, — он влагал и в свои лекции, из коих те, которые посвящены были идеальному быту и чистоте воззрений Афинян, имели на всех, а в особенности на молодых его слушателей, какое-то воодушевляющее к добру и к нравственной чистоте влияние; жаль, что лекции Гоголя были непродолжительны: болезнь, поездка за границу и собственное его, всегда верное, чутье, что профессура не была природная его колея, стоявшая несравненно выше, — отвлекли его от сего поприща на большую пользу отечеству. Живо помню и последнюю его лекцию: бледное, исхудалое и длинноносое лицо его подвязано было черным платком от зубной боли, и в таком виде фигура его, а притом еще в вицмундире, производила впечатление бедного угнетенного чиновника, от которого требовали непосильного с его природными дарованиями труда; Гоголь прошел по кафедре как метеор, с блеском оную осветивший и вскоре на оной угасший, но блеск этот был настолько силен, что невольно врезался в юной памяти».[3]

Мы почти исчерпали материал студенческих воспоминаний, относящихся к профессорству Гоголя в Петербургском университете. Чрезвычайно пестрые по характеру и манере изложения, воспоминания эти из полуторагодичной преподавательской деятельности Гоголя довольно согласно выхватывают лишь несколько эпизодов. Большинство этих эпизодов связано с первыми выступлениями Гоголя на кафедре: они рассказывают о вступительной его лекции и одной или двух из последующих, а также о посещении одной из начальных лекций Пушкиным и Жуковским. Большая часть остальных лекций оставила в памяти слушателей, даже сочувственно относившихся к Гоголю, лишь самое общее и чрезвычайно смутное представление.

Снова запомнились большинству мемуаристов заключительный экзамен по истории средних веков и фигура больного Гоголя с лицом,

---

[1] Н. И. Мордовченко. Гоголь в Петербургском университете (Неизданные письма Гоголя и документы о нем). (Ученые записки Ленингр. государств. университета, серия филологических наук, вып. 3, 1939, стр. 356).

[2] Как явствует из официального объявления о читавшихся в Петербургском университете курсах на 1834—35 акад. год, адъюнкт Гоголь-Яновский читал древнюю историю (2 часа в неделю) и среднюю (4 часа) — «по собственным запискам» (Журнал Министерства народного просвещения, № 2, 1835, стр. 317).

[3] М. Воспоминания из дальних лет с 1824 года. Русская старина, № 5, 1881, стр. 157—158. Криптоним раскрыт в «Систематической росписи содержания «Русской старины» изд. 1870—1884 гг.». (СПб., 1885, стр. 19; ср.: П. Н. Берков, ук. соч., стр. 124).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

обвязанным большим черным платком;[1] этот экзамен происходил во второй половине апреля 1835 г., так как около 1 мая Гоголь выехал из Петербурга к себе в Васильевку.[2] Последние месяцы преподавания, т. е. после возвращения Гоголя в Петербург (конец августа 1835 г.) и до официального увольнения его из университета (31 декабря 1835 г.), никакого отражения в воспоминаниях современников не получили.[3]

Если от воспоминаний слушателей Гоголя и сторонних лиц обратиться к собственным его высказываниям о своем профессорстве, можно обнаружить примерно ту же картину постепенного, последовательного спада интереса к преподавательской деятельности.

При самом своем назначении писатель склонен был смотреть на адъюнктство в Петербурге как на промежуточный этап перед переездом в Киев, рассчитывал использовать его для вящего своего утверждения как ученого. «Я решился принять предложение остаться на год в здешнем университете, получая тем более прав к занятию в Киеве, — писал он Максимовичу 14 августа 1834 г. — Притом же от меня зависит приобресть имя, которое может заставить быть поснисходительнее в отношении ко мне и не почитать меня за несчастного просителя, привыкшего чрез длинные передние и лакейские пробираться к месту» (X, 337).

В течение первых месяцев своего преподавания Гоголь охвачен разнообразно действенными замыслами будущих свершений. Остро почувствовав с первых же шагов на кафедре отсутствие необходимого университетского пособия по преподаваемому им предмету, он побуждает Погодина «скорее» издать перевод истории Демишеля и «новую историю, которую ты, как говоришь, составил». И в том же письме (2 ноября 1834 г.) сообщает, что и сам замышляет «дернуть историю средних веков, тем более, что у меня такие родятся о ней мысли... но я не раньше, как через год, приймусь писать» (X, 342).

О большом задуманном труде по истории средних веков Гоголь сообщает также Максимовичу (22 января 1835 г.): «Я пишу историю средних веков, которая, думаю, будет состоять томов из 8, если не из 9» (X, 349). О нем же говорит он и в официальных сведениях, вошедших в «Отчет по Санктпетербургскому учебному округу за 1835 год», но отражавших намерения и настроения Гоголя н а ч а л а этого года.

«Адъюнкт по кафедре истории Гоголь-Яновский, — читаем в «Отчете», — сверх должности своей по университету принял на себя труд написать Историю средних веков, которая будет состоять из 8 или

[1] Н. М. Колмаков припоминает, что хворать Гоголь начал еще до экзаменов: «Голова его, по случаю ли боли зубов или по другой причине, постоянно была подвязана белым платком; самый вид его был болезненный и даже жалкий, но студенты относились к нему с большим сочувствием, что было, разумеется, последствием его талантливых сочинений» (см.: Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова с 1816-го года. СПб., 1891, стр. 33). О болезненности Гоголя упоминают также Матисен и Иваницкий. По воспоминаниям последнего, «после экзамена мы окружили его и изъявили сожаление, что должны расстаться с ним. Гоголь отвечал, что здоровье его расстроено и что он должен переменить климат».

[2] 17 апреля 1835 г. Гоголь писал Погодину: «Через две недели буду в Москве». В конце апреля он еще хлопочет об оформлении своего отпуска, а 24 мая пишет Н. Я. Прокоповичу уже из Васильевки, побывав предварительно в Москве (X, 364—365; ср. 493).

[3] Возможно, что после возвращения в Петербург Гоголь вовсе не возобновлял лекций, будучи осведомлен о предстоящем своем увольнении «по случаю преобразования С.-Петербургского университета». Характерно, что и историк университета, Григорьев, говорит о «годичном» только преподавании Гоголя (В. В. Григорьев. С.-Петербургский университет в течение первого пятидесятилетия своего существования. СПб., 1870, стр. 93).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

9 томов. Также намерен он издать особенно извлечение из оной истории в одном томе». Немного ниже выражается надежда, «если только обстоятельства позволят», издать первые три тома предположенного труда «в следующем году».

Далее Гоголь сообщает и о других своих научно-литературных проектах. Он «готовит к печатанию сочинение о духе и характере народной поэзии славянских народов: сербов, словенов, черногорцев, галичан, малороссиян, великороссиян и прочих; также занимается он разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы, но которые однакож он медлит издавать до тех пор, пока обстоятельства не позволят ему осмотреть многих мест, где происходили некоторые события».[1] Нет необходимости в настоящей статье останавливаться подробно на этих сведениях. Совершенно очевидно, что они не столько были «отчетом», не столько отражали уже сделанное, сколько служили своего рода заявкой на будущее, должны были явиться лишним веским аргументом в пользу Гоголя, если вопрос о его переводе в Киевский университет был бы снова поднят.

Для упрочения своего положения как профессора Гоголь в эти же первые месяцы своей университетской службы решает приступить к публикации отдельных своих лекций и статей, включив их в подготовлявшиеся к печати «Арабески» (цензурное разрешение было получено 10 ноября 1834 г.). Нашли здесь свое место, — с рядом малосущественных исправлений стилистического характера, — те несколько статей, которые, как указано выше, появились в официальном органе Министерства народного просвещения для того, чтобы подтвердить законность притязаний Гоголя на университетскую кафедру. Включена была в «Арабески» и вступительная лекция, о которой Гоголь писал Погодину (14 декабря 1834 г.), что «она сказана только так, чтобы сказать что-нибудь, и только раззадорит несколько в слушателях потребность узнать то, о чем еще нужно рассказать, что оно такое» (X, 344). Опубликованы были, наконец, две лекции, прочитанные в самом начале курса — «О движении народов в конце V века» и «Ал-Мамун».

Близкое отношение ко всем перечисленным статьям имеют также два этюда, формально не связанные непосредственно с преподавательской деятельностью Гоголя, — «Жизнь» и «Шлецер, Миллер и Гердер». Включение их в сборник может быть объяснено тем, что в них высказаны были некоторые общие взгляды автора «Арабесок» на историческое развитие человечества, на пути и задачи постижения исторического прошлого, на смысл и характер истории как науки.

В особенности интересна в этом отношении вторая из названных статей, — интересна, конечно, не самими характеристиками трех историков. Образы Шлецера, Миллера и Гердера понадобились Гоголю для того, чтобы сформулировать черты, определяющие в его представлении настоящего историка, такого историка, каким стремился быть он сам.

«Мне кажется, — писал Гоголь, — что если бы глубокость результатов Гердера, нисходящих до самого начала человечества, соединить с быстрым, огненным взглядом Шлецера и изыскательною, расторопною мудростию Миллера, тогда бы вышел такой историк, который бы мог написать всеобщую историю». Такой историк, — продолжал Гоголь, — должен был бы овладеть также «высоким драматическим искусством», заключающимся «в драматическом интересе всего творения, который со-

[1] ЦГИАЛ, фонд 733, опись 95, дело № 45488. лл. 40 об—41; ср.: С. Машинский. Гоголь, 1852—1952. М., 1951, стр. 65.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

общил бы ему необходимую увлекательность, тот интерес, который иногда дышит в исторических отрывках Шиллера, особенно в Тридцатилетней войне, и которым отличается почти всякое немногосложное происшествие», должен был бы постигнуть «занимательность рассказа Вальтер Скотта и его умение замечать самые тонкие оттенки», должен был бы усвоить «шекспировское искусство развивать крупные черты характеров в тесных границах». Только тогда бы, — заканчивает Гоголь, — «составился такой историк, какого требует всеобщая история».[1]

В статье получают свое окончательное оформление и подкрепляются ссылками на общеизвестные авторитеты мысли, уже давно владевшие писателем, — об истории как особом виде искусства.[2] К этим мыслям он не раз возвращается на протяжении 1834 г. в письмах к Погодину и Максимовичу, то сообщая, в связи со своей «малороссийской историей», о якобы полученных упреках за то, что «слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» (X, 294), то горько жалуясь на постигшие его разочарования в практическом осуществлении своих исторических провидений.

Чрезвычайно характерно его письмо к Погодину (14 декабря 1834 г.), отмечающее своего рода рубеж в отношениях писателя к Петербургскому университету. Обращаясь к своему корреспонденту с просьбой снисходительно отнестись к историческим работам, публикуемым в «Арабесках», так как «они молоды, они давно писаны», уверяя в непрестанном и быстром научном своем росте («Я с каждым месяцем, с каждым днем вижу новое, и вижу свои ошибки»), Гоголь продолжает: «Не думай также, чтобы я старался только возбудить чувства и воображение. Клянусь, у меня цель высшая. Я, может быть, еще мало опытен, я молод в мыслях, но я буду когда-нибудь стар. Отчего же я через неделю уже вижу свою ошибку? Отчего же передо мною раздвигается природа и человек? Знаешь ли ты, что значит не встретить сочувствия, что значит не встретить отзыва? Я читаю один, решительно один в здешнем университете. Никто меня не слушает, ни на одном ни разу не встретил я, чтобы поразила его яркая истина. И оттого я решительно бросаю теперь всякую художественную отделку, а тем более желание будить сонных слушателей. Я выражаюсь отрывками и только смотрю в даль и вижу его в той системе, в какой оно явится у меня вылитою через год. — Хоть бы одно студенческое существо понимало меня» (X, 344).

Это потрясающее по своей искренности письмо никем до сих пор не комментировалось по существу, между тем как этот комментарий сам собою напрашивается и кое-что проясняет в истории профессорства Гоголя.

Из воспоминаний Ф. В. Чижова, сообщенных им в свое время первому биографу Гоголя, П. А. Кулишу, мы знаем, что отношение к писа-

---

[1] Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. V. Изд. 10-е, стр. 250.

[2] Так, в «Книгу всякой всячины» Гоголь, видимо, в первые месяцы петербургской жизни, вписывает «Мысли об истории вообще» — цитату из А. Тьерри, не учтенную в свое время Шенроком при описании «Книги». Здесь читаем: «Я думаю, что история не должна более служить дополнительным рассуждением при живописании различных эпох, добавочным портретом для верного представления различных персонажей. Люди, особенно прошедших веков, должны сами выступить на сцене с речами: они должны живо показать себя в различных видах, и не следует заставлять читателя перелистать сто страниц, чтобы, в конце концов, выяснить их подлинный характер» (Гос. ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина, Отдел рукописей, шифр М. 3232, л. 102; оригинал — на французском языке).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

телю части профессуры было настороженным и даже скептическим. Хотя сам Гоголь, — писал Чижов, — «сошелся с нами хорошо, как с новыми товарищами», но многие профессора «встретили его холодно».[1] Весьма холодные вначале, а затем и откровенно враждебные отношения установились у Гоголя с его непосредственным начальством, проф. И. П. Шульгиным.[2] Прямых свидетельств этой враждебности нет, но существование ее ощущается во многом, по многим предпосылкам, из которых главная — совпадение в ряде моментов научных интересов Шульгина и Гоголя.

Шульгин в 1832 г. издал «обратившее на себя внимание» сочинение — «Изображение характера и содержания истории трех последних веков», в котором изложил теоретические свои взгляды на существо истории, общую характеристику духа и связи событий в Европе с конца XV до начала XIX вв. Эта книжка легла в основу его университетских чтений;[3] вскоре Шульгин стал перерабатывать ее в учебное пособие для студентов, расширяя материал за счет предшествовавших столетий, т. е. средних веков.

При таких предположениях Шульгин должен был увидеть в Гоголе (замышлявшем и, как он утверждал, начавшем и пространную «Историю средних веков», и краткий вариант ее, очевидно также имевший в виду нужды университетского преподавания) своего «конкурента». И эта «конкуренция» должна была казаться ему тем более опасной, что, наряду со всеобщей историей, он предполагал заняться также «историей юго-западной России», т. е. Украины, и на этом поприще также предвидел возможные столкновения собственных научных планов и интересов с планами Гоголя, о которых тот увлекательно рассказывал в печати. Подобная коллизия предопределяла для Гоголя включение в организованную «академическую» борьбу, одним из организаторов и зачинщиков которой был Шульгин, борьбу, в которой писатель ощущал себя совершенно беспомощным.

Для Шульгина же борьба с Гоголем облегчалась его репутацией блюстителя «чистой науки», репутацией, которую он тщательно поддерживал в первые годы своего профессорства. 21 июня 1834 г. Никитенко рассказал в своем дневнике, как он, Шульгин и Плетнев составили «род конфедерации для противодействия в университете всякому нечистому духу в ученом и нравственном отношении».[4] «Конфедерация» не была в достаточной степени крепкой и принципиальной; Плетнев, в частности, почти тотчас же от нее откололся. Однако не лишено значе-

---

[1] Причин этой холодности Чижов лично для себя устанавливает две: во-первых, «я смотрел на науку чересчур лирически, видел в ней высокое, чуть-чуть не священное дело, и потому от человека, бравшегося быть преподавателем, требовал полного и безусловного посвящения себя ей»; во-вторых — «самое вступление его [т. е. Гоголя, — *И. А.*] в университет путем окольным отдаляло нас от него, как от человека. По всему этому сношения с ним у меня были весьма форменные, и то весьма редкие» (Николай М. [П. А. Кулиш]. Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, т. I. СПб., 1856, стр. 106). Упоминание Чижова об «окольных путях», т. е. о протекции Уварова, представляется нам аргументом более позднего происхождения.

[2] О нем: Русский биографический словарь, Шебанов—Шютц. СПб., 1911, стр. 518—519; там же довольно полная библиография.

[3] В официальном объявлении о читавшихся в Петербургском университете в 1834/35 адак. году курсах указывалось, что проф. Шульгин читает «историю трех последних столетий по собственному сочинению, с дополнениями из Герена, Коха, Ансильона и Эйхгорна» (4 ч.) (Журнал Министерства народного просвещения, № 2, 1835, стр. 317).

[4] А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, стр. 246.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

ния, что, говоря о Гоголе несколько месяцев спустя, Никитенко упоминал о принципах «высокой», «истинной» науки, т. е. действовал как бы в духе заключенного соглашения.

Несколько лет спустя тот же Никитенко, вспомнив о Шульгине, отметил в качестве одной из характерных его черт то, что «он почти в постоянных столкновениях с попечителем и с товарищами... Подчиненные, в свою очередь, не любят его за то, что он не особенно с ними ласков».[1] Следует дополнить эту скудную деталями характеристику Шульгина указанием на крайнюю реакционность его общественно-политической позиции, последовательно приведшую его на старости лет, а, возможно, и раньше, в число негласных осведомителей III отделения. Автору настоящей статьи довелось видеть в архиве III отделения ряд его донесений о лекциях «Вольного университета» в Думе, в 1861—1862 гг.

Необходимо отметить наконец решительное несоответствие взглядов Гоголя и Шульгина на изложение исторических фактов и явлений, на задачи истории как науки. Все доступные нам материалы с полной убедительностью свидетельствуют о том, что в исторических своих увлечениях Гоголь оставался прежде всего и главным образом писателем-художником. Отнюдь не случайно задуманная им и начатая «история малороссийская» очень скоро превратилась в повесть-эпопею — «Тараса Бульбу». Закономерным для Гоголя было также и то, что в своем университетском курсе он не следовал заявленной им же программе,[2] но останавливался на отдельных разрозненных эпизодах, которые по тем или иным причинам всего более привлекали к себе творческое его воображение; их он разрабатывал с присущей ему художественной взыскательностью, с привычным воодушевлением, их превращал он в яркие картины, увлекавшие слушателей. Шульгин в этом отноше-

[1] А. В. Никитенко. Записки и дневник, т. I, стр. 281—282; запись 2 января 1837 г.

[2] План своего курса по истории средних веков Гоголь излагал по крайней мере трижды: сперва в статье «О преподавании всеобщей истории», затем в представленной им «Программе лекций по истории средних веков» и, наконец, — во вступительной лекции. Каждый из этих планов дает несколько иную последовательность и группировку материала; сколько можно судить, в лекциях своих Гоголь не следовал ни одному из этих планов. Материалы лекций Гоголя опубликованы Тихонравовым (Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. VI. Изд. 10-е), однако в его распоряжении находилась не вся соответствующая группа бумаг Гоголя; кое-что откололось от нее, повидимому, еще при жизни писателя. Интересные сведения о двух лекциях Гоголя находим в неопубликованном письме В. П. Горленко к редактору «Киевской старины» Е. А. Кивлицкому (19 октября 1890 г.) «Рукопись эта, — писал Горленко, — была у меня в руках. Она принадлежит князю Репнину и взята была мной из его архива (Гоголь был учителем в семействе матери кн. Репнина, Балабиной, и рукописи его остались, очевидно, поэтому в архиве Репнина). По сходству почерка и отчасти по слогу я сразу сделал предположение о принадлежности этих рукописей Гоголю. Но Н. В. Стороженко, с свойственным ему холодным взглядом..., стал оспаривать мое мненье, доказывая, что почерк похож на женский и рукописи могли быть писаны г-жой Дунин-Борковской, жившей у Репниных. Несколько времени я держал рукописи у себя, желая показать их [С. И.] Пономареву как эксперту по гоголевскому почерку (очень менявшемуся в разные периоды), но, не дождавшись его, я поддался сомненью и сам и, не застав кн. Репнина в Киеве, отдал рукописи (две тетради) Н. Стороженку для возвращения их, вместе с другими бумагами, Репнину. Бывши в последний раз в Киеве, я купил новое, замечательное тихонравовское издание Гоголя... и, к удивлению своему, в томе пятом, на стр. 539, нашел маленький отрывок „Введение в древнюю историю", представляющий, как мне кажется (репнинской рукописи у меня нет, и я сужу по памяти) буквально начало (первые одна или две страницы) рукописи Гоголя, бывшей у меня... Лекции, конечно, не бог знает что... но — Гоголь!» (Библиотека Академии наук УССР, Киев. Отдел рукописей, III, № 7795).

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

нии был полной противоположностью Гоголю: для него основным в истории было эмпирическое знание фактов, знание хронологии событий, — большего он от студентов, да и от самого себя, не требовал.[1]

Весь общественно-политический и научный облик Шульгина, как он вырисовывается из отдельных намеков и замечаний современников, настойчиво подсказывает, что именно в нем Гоголь нашел главного своего недоброжелателя, что именно его имел он прежде всего в виду, говоря о своих «ученых неприятелях». Именно Шульгин, видимо, настраивал против Гоголя мнение профессоров и университетского начальства, именно он искал подходящих поводов для того, чтобы совсем выжить молодого адъюнкта из университета.

Сделав такое допущение, мы легко можем восстановить последовательность отдельных эпизодов и общую картину профессорства Гоголя.

Вслед за успешно прочитанными первыми лекциями Гоголь разочаровал студентов своими последующими лекциями, сырыми, недостаточно подготовленными и обработанными. В стремлении несколько упрочить свой пошатнувшийся авторитет, Гоголь приглашает Пушкина и Жуковского посетить одну из его очередных лекций, специально подготовив ее для произнесения перед ними. Однако посещение поэтов не только не достигает в этом смысле своего назначения, не укрепляет его авторитета как преподавателя, но, наоборот, вызывает ряд неприятных для самолюбия Гоголя разговоров среди профессоров: начинаются толки о заносчивости молодого профессора, о том, что он кичится своими влиятельными знакомствами, что он ни во что ставит университетское начальство и товарищей профессоров.[2] Не улучшает положения и выход «Арабесок»: книга признается претенциозной, наивно беспомощной в научном отношении, свидетельством гордыни, обуявшей автора прославленных «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Все это вместе взятое побуждает Гоголя скорее закончить учебный год. Он хлопочет об отпуске «по расстроенному здоровью», получает его и очень рано уезжает к себе в деревню, разочаровавшись и в своем профессорстве, и в возможности для себя отдаться полностью научной работе.

Возвратившись осенью в Петербург, Гоголь уже только тянет лямку, так как, «кроме моего скверного жалованья университетского 600 рублей, никаких не имею теперь мест» (письмо к Пушкину 7 октября 1835 г.; X, 375). А два месяца спустя, 6 декабря 1835 г., он обращается к Погодину с известным письмом, в котором уведомляет приятеля о своем выходе из университета (X, 378).

Отныне дальнейший жизненный путь ясно определяется для Гоголя как путь художественного творчества. «Миргород», «петербургские повести», начало «Мертвых душ», «Ревизор», работа над которым в разгаре, — убеждают его в этом с особенной отчетливостью. «Уже не детские мысли, не ограниченный прежний круг моих сведений, но высокие, исполненные истины и ужасающего величия мысли волновали меня...», — пишет он в том же письме к Погодину, добавляя, что планы научной своей работы он опускает «на дно души до нового пробуж-

[1] Показательно сопоставление в воспоминаниях Н. М. Колмакова Шульгина с Устряловым: «И тот, и другой считались знатоками своих предметов, но читали они из года в год одно и то же, не возбуждая любви к науке и не привлекая студентов к изучению преподаваемых ими предметов» (Очерки и воспоминания Н. М. Колмакова с 1816-го года. СПб., 1891, стр. 40).

[2] Кстати сказать, Шульгин с 1833 г. был деканом Историко-филологического факультета.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/

дения», когда они «исторгнутся» «с большею силою и не посмеет устоять бесстыдная дерзость ученого невежи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика... и проч., и проч...» (X, 378). В «ученом невеже», о котором упоминает здесь Гоголь, позволительно увидеть все того же Шульгина.

* * *

Так закончился интересующий нас эпизод недолгого профессорства Гоголя в Петербургском университете.

В настоящее время не найдется исследователя, который, говоря об этом эпизоде, попытался бы воскресить версию буржуазного литературоведения о «хлестаковстве» Гоголя, о его «мистификаторстве» и т. д. Материал настоящей статьи убедительно показывает, что поражение Гоголя явилось следствием не мистификации, но чересчур требовательного его отношения к себе и высоких требований, предъявлявшихся им к преподаванию истории, с одной стороны, а с другой — организованной оппозиции, встреченной им со стороны реакционной профессуры.

При тех громадных требованиях, какие предъявлял писатель к науке, необходимо было время, для того чтобы собранный им материал претворился в нечто общее и цельное, необходимо было понимание окружающими (слушателями, в частности) тех общих задач, какие он поставил перед собою, необходима была, кроме упорной творческой работы профессора, также готовность слушателей соучаствовать в этом творчестве, примиряться с отдельными лекциями, не получившими еще необходимой отделки, чтобы затем быть вознагражденными очерками, в которых уже проявился взлет творческой мысли профессора-художника. Необходимы были, наконец, помощь и понимание со стороны товарищей Гоголя по университету, их моральная поддержка.

Всего этого не оказалось — и Гоголь сошел с кафедры «неузнанным».

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве
http://history.museums.spbu.ru/